

Мягче обычного светит настольная лампа. Чересчур размеренно тянет свою ленту диктофон. Даже звуки вечернего двора, кажется, не врываются, как обычно, а вползают через открытую балконную дверь. Все словно бы убеждает, что никакой другой жизни не существует, а есть только эта — расслабленно-летняя, московская. Но ведь речь-то идет именно о другой!.. И для нее писательский кабинет оказался слишком уютен. Во многом здесь просто не верится.

— Да, я все это видел. И маковые поля. И маленькие московские заведения общепита, в которых ничего алкогольного на столах нет и даже в принципе не бывает, а молодые находящиеся там люди какие-то полусонные и обессиленные. Я видел и еще кое-что, о чем я просто и говорить сейчас не могу, потому что подведу не только себя, но и людей, которые мне доверились.

Первая наша встреча с Лазарем Карелиным состоялась в Московской высшей школе милиции МВД СССР. Карелин встречался со слушателями школы, а я — с ним. Как оказалось, «Змеелова» читали все. И потому разговор был интересным. Со своих мест поднимались и только вступающие в суровую милицмейскую жизнь слушатели, и заслуженные ветераны службы. Говорили о жизни, о героях, о творчестве. И в этой мужской среде совершенно естественно прозвучало сравнение писательской деятельности с работой следователя.

— Только не нужно разных сравнений, разговоров об опасности, — писатель Лазарь Карелин без улыбки смотрит из своего кресла и из-за стекла книжного шкафа с рисунка десятилетнего внука. — Писатель не детектив, а его работа не детективный роман. И заниматься частным следствием ему не стоит. Кустарное расследование может иногда и навредить. А вот расследование души человека — это наша работа. В «Змеелове» я в основном-то писал не о торговле. Я писал о человеке, который хочет вернуться назад, он совершил ошибку, исправить эту ошибку — его цель. И уж тут-то мне материал не нужно было собирать. Он, как говорится, собран моей собственной жизнью.

— Кроме человеческих душ, в «Змеелове» есть реально существующий мир торговли, и уж тут вам своим собственным опытом было не обойтись — вы в торговле не работали.

— А мне и не нужно было работать в торговле. Я не сторонник «методов Хейли». Взгляд на предмет «изнутри» во многом связывает писателя. Мне, например, для работы нужна лишь некая основа, канва. Тем более что ничего особо секретного в «Змеелове» я описывать и не собирался. Но кое-что знать было все же необходимо. И я знакомился со многими работниками торговли. Это было не слишком сложно до тех пор, пока не начинался серьезный разговор. Тут они сразу замыкались.

Карелин повертел в руках беззвучно мотающий пленку диктофон:

— Естественно, никакой записи, блокнотов. Я выяснял для себя самое главное, суть.

— А после?..

— Едва узнав о том, что «Змеелов» существует, многие деятели торговли стали с ним бороться. Выходить на разные уровни, в разные инстанции. И главное, как будто из благих пожеланий все это делалось. Зачем будоражить общественность? Зачем снижать уровень уважения народа к торговле?.. Я не хочу сейчас называть имена этих людей, сводить с кем-то счеты. Иные из них сами с собой свели счеты — поверьте, я не злорадствую.

И вот наконец я работаю над романом «Даю уроки», который еще в рукописи, и тоже сталкиваюсь с очень серьезным сопротивлением. Опять те же «зачем?». Благостные восклицания, делающие воз-

можным узаконить неправду и умолчать правду. Зачем?.. Да хотя бы затем, что мак — это застрашный герой. И значит, не только правоохранительные органы, не только будущие милиционеры, с которыми мы встречались в школе милиции, но и писатели, журналисты обязаны подключиться к этой борьбе.

— Я понимаю, что пересказывать книги, тем более неопубликованные, — вещь неблагоприятная. Но все же, раз уж вы начали, в двух словах...

— События происходят в Ашхабаде и вообще в Туркмении. Один из героев — старший следователь по особо важным делам, туркмен, другой — русский, проштрафившийся тележурналист. Эти два человека вместе со своими друзьями пытаются

У нас в гостях писатель Лазарь КАРЕЛИН

пресечь тайное разведение мака на небольших разбросанных по республике полях. Роман говорит о том, что производство наркотиков у нас в некоторых регионах успело превратиться в довольно развитое дело, что существует целая система доставки их в Москву и другие крупные города.

— Трудно поверить, что эти, как вы говорили, «маленькие заведения общепита» в Москве действительно существуют.

— Потому я и говорю, что мы уже немного опоздали начать борьбу. Все не могли поверить. А тем временем — раньше существовало понятие «самогонование», а теперь появилось «наркотикирование».

Далее — кое в каких из этих московских кафе я действительно бывал, они существуют. Но занимались ими не очень всерьез. Да и, честно говоря, я староват, чтобы незаметно войти в среду посетителей этих кафе, пожить с ними, попытаться их понять, — я всегда буду казаться там странной фигурой. Я пишу не о тех, кто потребляет, а о тех, кто изготавливает. Именно они наши враги. Это негодяи, это хуже, чем преступники, это люди, которым не должно быть пощады. Мы должны казнить их максимально строго, как только возможно. Если таких законов нет — их нужно сформулировать. Потому что нет ничего страшнее, как покушаться на молодость, силу, на здоровье нашей молодежи.

Карелин расстегивает воротник рубашки и поднимается из кресла.

— Извините, выйдем на балкон...

На балконе сумрачно и волноно. Огни соседних домов где-то в стороне и вдалеке.

— Вот так бы стоял и смотрел, — Карелин перегибается через перила. — Мне иногда это даже работать мешает — все хочется выйти на балкон и посмотреть. Я ведь в Москве родился, на Большой Грузинской. Там теперь стоят большие дома, а для воспоминаний остался только зоопарк, где я маленьким бывал.

Мы смотрим на Москву. Снизу вместе с волнами теплого воздуха накатывают какие-то совершенно невероятные ботанические ароматы.

— Люблю Москву. Особенно центральную. Хотя это и неоригинально. И район арбатских улочек-переулков, и Сретенку, которую в романе описал, и бывшую Мясницкую, теперь Кировскую, и Чистые Пруды. Иногда туда хочется пойти, иногда — сюда.

Я ведь вообще выхожу все свои книги. Когда писал «Змеелова» и «Последний переулочек», ходил без конца. Заходил в какие-то «нафешки»...

Словом, люблю Москву. Особенно утром. Я вообще все люблю делать с утра. Люблю старые названия улиц: Хамовники, Остоженка, Софийская набережная — хорошо, что мы к ним потихоньку возвращаемся.

Пора возвращаться к работе, но уходить с балкона не хочется. Справа прохотал трамвай, вон там где-то метро. Мир тревог и забот остался в комнате. Летняя московская ночь завораживает и расслабляет.

— Лазарь Викторович, а дети ваши чем занимаются? Внуки, я видел, рисуют.

— Саша у меня, кроме того что рисует, ходит в школу. Дочка — Татьяна, с ней мы собираемся написать пьесу по «Последнему переулочку», собственно, уже начали. В этом романе есть что-то театральное. Тем более что события происхо-

Воскресные
ВСТРЕЧИ МК

РАЗГОВОР МОСКОВСКОЙ НОЧЬЮ

дят в одной декорации. Можно просто построить на сцене переулочек — и закрутить. А дочка у меня молодая, современная, драматург — у нее уже есть кое-какие успехи в этом деле, — она, может быть, внесет в пьесу что-то такое необходимое для современного театра, что я и не угадаю.

— А как вообще складывались ваши взаимоотношения с театром?

— У «Змеелова» счастливая театральная судьба. Меня попросили написать пьесу, и теперь она идет по всей стране, кроме Москвы. В Москве управление торговли решало — пойдет «Змеелов» в Москве или нет. Когда-то на Таганке, шла моя инсценировка романа «Микрорайон».

— А с кино?..

— В свое время я с отличием закончил сценарный факультет ВГИКа. И хотя потом ушел в литературу, время от времени в кинематограф возвращаюсь. Кино — это прекрасное искусство, но вот быт кинематографического производства...

Мы с Вадимом Дербеневым снимали «Змеелова» в обстановке запрета на каждом шагу. Я до сих пор с ужасом вспоминаю фамилию некоего сотрудника «Мосфильма» И. И. Цизина. Этого прожженного бюрократа от кино, который как будто был приставлен к съемочной группе, чтобы помешать этой группе проявиться талантливо, смело. И таких «цизиных», к сожалению, в кинематографе пруд пруди. По-другому работать они не умеют и не желают. Вот если в кинематографе, как, кстати говоря, и в литературной редакции, возникнут такие порядки, что за загубленный в съемках фильм все, кто отвечает за производство, будут нести ответственность, вот тогда дело пойдет. А сейчас — я сделал сценарий по «Последнему переулочку».

И РАЗГОВОР возвращается к основной теме: новый роман Лазаря Карелина «Даю уроки». И снова светит настольная лампа, снова тревожно подрагивает красный огонек диктофона, а где-то там, в Туркмении, мужественные люди борются с подпольными маковыми плантациями.

— Лазарь Викторович, а как вообще получилось, что вы занялись этой острой темой?

— Время сейчас такое. Об опасности наркомании многие говорят.

— Но вы-то начали работу над романом еще три года назад. Что послужило толчком? У героев были реальные прототипы?

— ...Хорошо, я вам расскажу. Я не был инициатором темы романа «Даю уроки». Ко мне в одном городе, есть такое выражение, «вышел» один человек (я не могу

его назвать) и попросил о встрече. Он оказался разговаривать со мной в гостинице, в ресторане и вообще в помещении. Это был достойный, заслуживающий уважения человек — поэтому я шел на его условия, — но страшно напуганный. Когда мы вышли на улицу, он и на улице не говорил со мной до тех пор, пока не нашел очень широкую улицу, выходящую на большую площадь. И вот только когда мы вышли на самую середину площади, он шепотом рассказал мне, об опасности изготовления наркотиков в этой и соседней республиках. О том, что идет подпольное рассаживание маковых плантаций. О том, что на этом громадно наживаются. Эти несколько сюжетных ходов из жизни и заставили меня задуматься над возможностью написать такой роман.

— Как-то жутковато становится. Я имею в виду вашего напуганного человека, подпольные маковые поля...

— Наркотики — это страшно. И стыдно. Но разве это повод, чтобы закрывать глаза на это явление? Ведь это жизнь — одна из реальных и неприглядных ее сторон. Вот мы сидим сейчас в креслах, в уютной квартире. Но, кроме того, существуют вокзалы — ночной быт наших московских вокзалов. Вообще любой город вечером — это другой город. Другая тревожная драматургия.

— И ваш следующий роман тоже будет?..

— ...Разве я хоть слово сказал о своем следующем романе?

— Нет. Но ведь вы, мне кажется, уже думаете о новой книге, разве не так?

— Угадали. Муниципалитет города Хельсинки прислал мне письмо с приглашением посетить их город и написать книгу очерков. Кое-какой опыт в этом деле у меня уже есть — в советско-финском сборнике «Москва — Хельсинки», вышедшем в издательстве «Московский рабочий» в 1984 году, я опубликовал очерк «Иду по городу» — так что, может быть, я и соглашусь.

— Эту будущую книгу можно считать внеплановой, я же имел в виду ваш очерковый роман...

— Он уже начинает гудеть во мне.

— Вы сказали «гудеть»?

— Именно. Почти физически ощущаю, как заполняется пустота, оставшаяся во мне после предыдущей работы, снова один за другим поселяются новые слова, образы.

— И о чем они сейчас, как вы говорите, гудят?

— Если я скажу, о чем они гудят, я выдам главное, а мне бы не хотелось. Но у меня уже есть герой, и, даю вам слово, он не спекулятивен, он не будет иллюстрацией сиюминутных вещей... Ведь если бы я «Змеелова» сейчас написал, я мог бы прослыть спекулянтом от литературы. А я его написал шесть с половиной лет назад. А это уже другое дело. Вот надо все-таки вовремя все делать: и жениться, и книги писать...

— Если исходить из популярности ваших романов в читательской среде, вы стараетесь затрагивать темы, которые волнуют всех.

— Да, мне это интересно. Мне неинтересно говорить о вещах, которые, так сказать, находятся на обочине нашего общественного развития. Я люблю писать, рискуя. Писать о новом. О таком, что, может быть, не сразу поймут. Мне нравится писать трудно, чем труднее писать, тем потом интереснее читать. Я не спортсмен, но свою личную планку я стараюсь каждый раз ставить на еще не освоенную высоту, хоть на сантиметр, да выше.

Давно уже кончилась кассета в диктофоне. Как будто потускнела и настольная лампа. Карелин включает верхний свет, яркий прямоугольник открытой балконной двери беззвучно падает на балкон и дальше — в черную тишину.

Скоро утро.

С. СЛЮСАРЕВ.